

ПРОФ. И. М. ТРОНСКИЙ. История античной литературы. Ленинград, Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1946, 496 стр. Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для филологических факультетов и педагогических институтов. Тираж 15 000 экз., ц. 21 р.

Книга И. М. Тронского обнимает и греческую и римскую литературу. Это составляет удобство для студентов, обычно слушающих античную литературу в целом (я не говорю о специальных «классических» отделениях).

Материал книги значительно выходит из рамок утвержденной программы по античной литературе, тем более в настоящее время, когда в педагогических институтах количество часов на эту дисциплину урезано до 36. Такое расширение материала вполне нормально. Вузовский учебник должен дать студентам дополнительные сведения по тем разделам, которые в лекционном курсе излагаются лишь кратко или вовсе не затрагиваются.

Книга проф. Тронского построена по четкому плану. Это хорошо отвечает ее целям как учебника. Изложение начинается с «Введения» (стр. 1—14), в котором выясняется историческое место античной греко-римской литературы в мировой литературе, ее влияние на западноевропейскую и русскую литературу, дается понятие об античном обществе и определяются источники для изучения греческой и римской литературы. Исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, автор разъясняет специфику экономической основы греческого полиса и анализирует причины его распада, повлекшие и распад всей «полисной идеологии»; при этом он правильно замечает (стр. 11), что «античное художественное творчество никогда не порывало со своими народными, фольклорными истоками». Действительно, даже сюжеты «бытовых комедий», как подмечает в дальнейшем автор, напоминают мотивы волшебной сказки (см. стр. 202 и сл.).

Обзор истории греческой литературы начинается с «Архаического периода». Здесь анализ греческого фольклора и археологического материала о крито-микенской эпохе хорошо подводит к «Древнейшим литературным памятникам» и прежде всего к Гомеровскому эпосу. Довольно подробно излагается история «Гомеровского вопроса» и четко формулируется современное его состояние (стр. 44—51). В этой же главе рассматривается Гесиод и приписанные ему поэмы. Следующая глава посвящена «Развитию греческой литературы в период становления классового общества в государстве». После предварительной характеристики греческого общества и культуры VII—VI вв. речь идет о послегомеровском эпосе, и далее следует раздел лирики (стр. 73—93). Глава завершается материалом о зарождении литературной прозы.

Большой раздел II назван «Аттический период греческой литературы». Этот раздел охватывает V—IV вв. до н. э. и включает в себе: 1) обзор развития афинской демократии и распада полисной системы; 2) две основные части: развитие драмы (краткая заметка, посвящена также «средней комедии») и прозу этого периода, включающую «Поэтику» Аристотеля. Об организации греческого театра проф. Тронский считает более целесообразным говорить до анализа творчества главных драматургов (стр. 111—115).

Раздел III—«Эллинистический и римский периоды греческой литературы». Этот раздел и в отношении поэзии и в отношении прозы охватывает гораздо более обширный литературный материал, чем полагающийся по программе.

Вполне правильно автор греческую «бытовую комедию» относит к началу эллинистического периода, потому что она «в соответствии с типичным для эллинистического общества интересом к частному быту, разрабатывает темы любви и семейных отношений» (стр. 201). Менандр—«прямой наследник драмы V в. И вместе с тем Менандр уже типичный эллинистический поэт» (стр. 203).

В этом разделе дается характеристика философских учений этого периода. Много внимания уделяется прозе этой эпохи; особенно ценно, что глубоко анализируется

греческий «роман» как образец поздней чисто художественной прозы, причем устанавливается его связь с христианской ареталогией (стр. 263).

Литература Рима открывается вводной главой, где хорошо показывается историческое значение римской литературы и дается ее периодизация. Изложение самой литературы распадается на два больших раздела:

I. Литература эпохи республики (до 30-х гг. до н. э.): а) долитературный период (до середины III в.); б) первый век римской литературы (до середины II в.; время роста рабовладельческой республики); в) литература последнего века республики (период гражданских войн с конца II в. до 30-х гг. до н. э.).

II. Эпоха империи (30-е годы до н. э.—476 г. н. э.): а) литература времени перехода от республики к империи («век Августа», до 14 г. н. э.); б) литература императорского Рима; 1) I в. н. э. (серебряный век); 2) позднейшая римская литература (II—V вв.)

И в римской части материал, особенно в позднем периоде, выходит за рамки программы. В конце книги приложены полезные указатели: 1) авторов и заглавий анонимных произведений; 2) образов мифа и литературных персонажей; 3) специальных терминов. Наконец, перечисляются переводы и важнейшие пособия.

Бросая общий взгляд на эту солидную книгу, можно отметить ряд ее бесспорных положительных сторон.

Первая трудность при составлении одним автором общей истории всякой литературы заключается в том, что автор не может интересоваться всеми писателями и разделами литературы в одинаковой степени; поэтому в таких книгах часто не все разделы бывают выполнены с одинаковой научной самостоятельностью. Книга проф. Тронского, как видно, написана на основании самостоятельного анализа источников и дает часто новое освещение давно известным произведениям и писателям. Эта работа, очевидно, — результат многолетней лекционной практики, выражавшейся еще до войны во многих статьях автора по античной литературе в «Литературной энциклопедии».

Вторая трудность, касающаяся специально античной литературы, состоит в том, что, вследствие фрагментарности или утраты большинства литературных произведений древней Греции и Рима, трудно дать развернутую систематическую историю литературы. В рецензируемой книге по возможности изложена все же *история* греческой и римской литературы, а не дана сумма характеристик отдельных писателей, как это получается в некоторых пособиях. При этом материал освещается не только с узкофилологических, но и с литературоведческих позиций, с учетом всего комплекса смежных идеологических надстроек—философии, искусства, права.

В идейно-теоретическом отношении учебник проф. Тронского несравненно выше других учебников по греческой и римской литературе и особенно выше истории греческой литературы в академическом издании. Эта книга—шаг вперед в марксистском изучении истории античной литературы. Все явления литературы даются по возможности в их развитии, взаимной связи и взаимной обусловленности; везде, иногда очень точно, анализируется своеобразие творчества писателя (ср., например, анализ чувства любви у Катутла, Горация и Тибулла). Удачны общие характеристики эпох, предпосланные большим разделам. Все развитие литературы правильно рассматривается в связи с образованием, расцветом и разложением «полисной системы» и ее идеологии не только в Греции, но и в Риме, где тот же процесс естественно усложнялся новыми особенностями и где творческая переработка греческого литературного наследия стояла в зависимости прежде всего от сходства в стадиях общественного развития, которые пережили Греция и Рим.

Освещение литературного процесса в известной мере заострено против буржуазных концепций. Автор не один раз полемизирует с буржуазным пониманием реализма (об этом мы подробнее будем говорить позже); он видит причину отставания римской литературы от темпов социального и политического развития римской общины «не в какой-либо «неспособности» римлян к художественному творчеству (как иногда утверждают буржуазные ученые), а в специфических условиях ранней римской истории» (стр. 277). В двух других случаях идет полемика тоже в сущности против буржуазных точек зрения, не учитывающих социальных причин:

возрождения литературной прозы (стр. 94) и признающих античную трагедию вообще как «трагедию рока», между тем как проблема рока разрабатывается в греческой трагедии сравнительно редко (стр. 132).

Помимо этих разногласий, спорных вопросов автор почти не касается. Сравнительно углубленно разработан лишь «Гомеровский вопрос», который нельзя обойти ни в каком пособии по греческой литературе. История этого вопроса поучительна методически: она знакомит с филологической критикой, касающейся возникновения, подлинности и композиции всякого литературного памятника.

Из других спорных вопросов вкратце освещен не вполне ясный до сих пор вопрос о том, где в греческом театре в V в. играли актеры (стр. 114).

В книге учтены папирусные находки (см. стр. 64, 74, 83, 200, 210, 211). Но самые последние открытия в папирусах (например, новые теперь нам известные фрагменты Алкея, Гиппонакта, Софрона, найденные в Оксириинских папирусах)¹ могли быть еще не известны автору при написании этой книги.

Для иллюстрации теоретических положений в учебнике излагается содержание наиболее типичных произведений античных авторов. Следует по этому поводу заметить, что в некоторых пособиях по разным отделам всеобщей литературы изложение содержания произведений—одно из слабых мест: часто это изложение отличается сухостью, примитивностью, как бы либреттным характером, заставляющим забывать, что перед нами художественное произведение. В разбираемой книге содержание излагается очень живо и большей частью соединяется с серьезным анализом произведения.

Язык учебника в общем отличается ясностью и вместе с тем научностью.

Однако при этих весьма положительных качествах, на современном этапе изучения античной литературы мы должны предъявить к учебнику еще более высокие требования.

Предварительно несколько замечаний о периодизации античной литературы. Мы отмечали четкость плана в учебнике. Но непонятно, почему в конце «Введения» к римской литературе дается общая схема ее периодизации (стр. 276), а предварительной схемы периодизации греческой литературы не приводится. Затем, если в основном можно признать правильной периодизацию римской литературы, то нельзя согласиться с чересчур уж точной хронологической фиксацией разных периодов; например, архаический период идет точно до 81 г. до н. э., «серебряный век»—до 117 г. н. э. и т. д. Что касается названий отдельных периодов, то, конечно, было бы лучше вместо формальных хронологических рамок (напр. «Литература последнего века республики» и т. д.) дать названия, отражающие особенность литературы данного периода. Едва ли век Августа до 14 г. весь можно назвать «временем перехода от республики к империи»; новая власть Августа после 31 г. знаменует уже начало империи; яснее было бы сказать: «Литература конца республики и начала империи».

Но самые существенные замечания приходится сделать с идейно-теоретической стороны.

Выступая на первом всесоюзном совещании работников высшей школы, В. М. Молотов указал, что вузовский учебник «должен в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи». В настоящее время эти задачи делаются особенно актуальными в свете исторических решений нашей партии по идеологическому фронту, а также в связи с результатами недавней философской дискуссии по поводу книги г. Г. Ф. Александрова. Вот этим-то задачам не в полной мере отвечает настоящий учебник. Студенты часто спрашивают: чем же ценны для нас античная художественная литература и античное искусство вообще? Было бы неверно утверждать, что указанный вопрос вовсе не освещается в учебнике, но автор с самого начала не концентрирует на этом внимания читателя, не показывает значения античного искусства

¹ См. о них в рецензии проф. С. Я. Л у р ь е, ВДШ, 1947, № 1, стр. 107, а также статью акад. И. И. Т о л с т о г о о миме Софрона в юбилейном сборнике Ленинградского университета.

для нас— в чем его ограниченность, а в чем это искусство через толщу веков, при всем глубоком различии общественных отношений, вызывает интерес и в наши дни.

В связи с вопросом нашей оценки античной художественной литературы всегда необходимо суммировать, что было прогрессивного в искусстве данной эпохи и в творчестве античного писателя,— конечно, учитывая историческую обстановку этого творчества. Прогрессивные моменты не всегда достаточно ясно выделяются автором и не всегда на этом концентрируется внимание читателя. Интересно изложены мысли о прогрессивном значении эпохи V в. до н. э. (стр. 103). Очень хорошо суммированы те стороны эллинизма, «которые представляют собой прогресс по отношению к прошлому» (стр. 198). Отмечены моменты наследия античной мысли, получившие выражение в поэме Лукреция. Но, например, в анализе «Теогонии» (стр. 63) не подчеркивается, что это первая своего рода историческая поэма, проникнутая идеей прогресса, показывающая развитие из Хаоса. В итоге анализа «Поэтики» Аристотеля (стр. 190) необходимо было назвать те актуальные для нас моменты, которые развиты у Аристотеля: материалистическое определение искусства, различные художественные методы, проблемы реализма в искусстве, проблема формы и содержания и т. д.

В связи с тем, что автор мало останавливается на моментах античной литературы, вызывающих интерес в нашей современности, он заканчивает рассмотрение влияния античной литературы на западную XVIII веком, а в русской останавливается только на Белинском (стр. 7). Последнего он связывает с западными «неогуманистами», между тем как у Белинского была своя концепция искусства. Но следовало еще указать на отношение Пушкина к античности, на созвучие его музыки с античным эстетическим идеалом¹, остановиться на Ломоносове, Радищеве, Герцене, Добролюбова, Чернышевском, на образах античной литературы у Валерия Брюсова, Фета, Вересаева и др., наконец, на отношении Горького к античности и т. д.

Говоря о взглядах на античность Белинского, проф. Тронский правильно указывает на порочность модернизации античности (стр. 7 и сл.). Но этот вопрос следовало больше заострить; об этом надо было бы сказать несколько подробнее; указать на корни такой модернизации в буржуазном антимарксистском отождествлении античного общества с буржуазным, капиталистическим, предостеречь от модернизации в литературоведческом плане и, конечно, дать чрезвычайно важную цитату из «Философских тетрадей» В. И. Ленина полностью: «Превосходно за строгую историчность в истории философии, чтобы не приписывать древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»².

Говоря о мифологии (стр. 22—25), почему было не указать на употребление мифологических образов В. И. Лениным³ и не напомнить миф об Антее, приведенный в известном выступлении И. В. Сталина.

Далее, как мы указывали, литературный процесс в книге ставится в связь со всем комплексом смежных идеологических надстроек, в том числе и с изобразительным искусством. Однако это не проводится последовательно. Если творчество Софокла ставится в связь с художественным идеалом демократических Афин (стр. 134 и сл.), то образы трагедий Эврипида следовало бы сблизить со скульптурами Скопаса, отобразившего на лицах душевное состояние человека и этим предварявшего эллинистическое изобразительное искусство, характеристика которого, кстати сказать, в главе первой раздела III не дается автором.

Остановимся еще на вопросе об античном художественном реализме. Проф. Тронский, в отличие от буржуазных и некоторых советских историков античной литературы,

¹ См., например, мою статью «Пушкин и античность» в «Уч. Зап. Моск. гос. пед. института им. В. И. Ленина», вып. IV, М., 1938.

² «Философские тетради», изд. ЦК ВКП(б), 1938, стр. 258.

³ См., например, работу А. Цейтлина, «Литературные цитаты Ленина» ОГИЗ—ГИХЛ, 1934, стр. 20—26.

правильно видит в художественном реализме не просто «накопление характерных деталей быта и человеческого поведения», поэтому он не признает прямолинейного движения греческой литературы к реализму, якобы нашедшему свое наиболее яркое выражение в эллинистической литературе (стр. 199). Он полемизирует с буржуазными литературоведами, определяющими «новую» комедию как «реалистическую драму» (стр. 202). Или, говоря о Героде, которого критика объявила «античным реалистом», автор основательно замечает, что марксистское литературоведение не может, конечно, признать «реалистом писателя, который совершенно неспособен проникнуть в сущность изображаемой им действительности и для которого натуралистическая деталь является самоцелью» (стр. 227). Автор совершенно правильно называет уже Эсхила «творческим гением огромной реалистической силы, раскрывающим с помощью мифологических образов историческое содержание того великого переворота, современником которого он являлся» (стр. 115). Однако поставив проблему реализма, в частности реализма и мифологии, автор в дальнейшей истории греческой трагедии ясно ее не раскрывает, например, не определяет четко отношение к Эсхилловскому реализму реализма Софокла и Эврипида. Вопрос о реализме в античной литературе, и особенно в греческой трагедии с ее мифологией, очевидно требует дальнейшего специального исследования. Далее, полемизируя в некоторых случаях с буржуазными литературоведами, И. М. Тронский совершенно не критикует буржуазных истолкований образа Прометея.

В обширном материале разбираемой книги имеются некоторые неясности и в социальных характеристиках отдельных писателей. Приведем лишь некоторые случаи: на стр. 183 не вскрыты хотя бы вкратце аристократические корни философии Платона; на стр. 253 слишком неконкретно определение классовой позиции Лукиана: «Лукиан—один из идеологов этого класса», т. е. господствующего класса рабовладельцев. Не раскрыта противоречивая идеология Лукиана как мелкого собственника. Остановимся внимательно на Плавте. На стр. 304 автор хорошо указывает на «струю жизнерадостной энергии и оптимизма Плавта, на которую Менандр уже не был способен», но какова социальная база этого оптимизма, какие социальные сдвиги отражены в комедии Плавта, какова ее социальная направленность—все эти вопросы не достаточно освещены в разбираемой книге; только ли театр Плавта «имел установку на смешное, на карикатуру, буффонаду, фарс»? Ведь «умный раб» не случайно иногда издевается над своим господином, в некоторых комедиях явно видна морализующая тенденция; некоторые образы в современной Плавту римской обстановке приобретали злободневное значение, например образ «хвастливого воина» и др.

Еще один пример. На стр. 321 указано, что «для нарастающего в последние десятилетия республики общественного безразличия характерно распространение эпикуреизма, который получил блестящее выражение в философской поэме Лукреция». Однако поэма Лукреция отразила и прогрессивные моменты в стремлении объяснить мироздание, в превознесении разума человека, в особом заострении антирелигиозных тенденций.

Таким образом, идейно-теоретическая сторона книги требует дальнейшего совершенствования и углубления.

Перехожу к отдельным замечаниям, которые напрашиваются при чтении учебника.

В изложении Гомеровского вопроса недостаточно разъяснена «песенная теория» Лахмана (стр. 43); нет указаний на применение Лахманом сравнительного метода. В таком обширном учебнике можно было бы критически упомянуть и о теориях «неоунитаристов» и уже обязательно нужно было указать на труды нашего русского предшественника «унитарной теории» проф. Ф. Ф. Соколова. Параллели «увещаний» гесиодовского жанра (стр. 60) можно найти в диссертации проф. Н. П. Гуля «Дидактическая афористика древнего Египта» (Л., 1941).

На стр. 78, 83 и 85 не указано на использование произведений Архилоха, Алкея и Сапфо у Горация и басен Эзопа у Федра. Лишь две строки посвящены замечанию о позднем театре эпохи эллинизма (стр. 115). В связи с этим не дается и план эллинистического и римского театра, хотя и имеется раздел «О театральном деле в Риме»

(стр. 313—315). На стр. 201 говорится: «Для комедии IV в. были характерны две линии: пародийно-мифологическая и бытовая; эта последняя возобладала к началу эллинистического периода. С другой стороны, путь к бытовой драме был намечен и в трагедии Эврипида. Из слияния этих двух линий и создавалась «новая» комедия». Но и в комедии Аристофана уже слагались бытовые элементы и создавались образы, предварявшие образы «новой» комедии (слуга, раб, хвастливый воин). Таким образом, прежде всего комедия Аристофана служила одним из истоков «новой» бытовой комедии. На стр. 218 не мешало бы указать на гипотезы происхождения патрициев и плебеев, и в дальнейшем едва ли удобно называть плебеев «плебсом». Это слово обозначает вообще «народ» в отличие от высших классов. На стр. 303 своеобразие Плавта определяется «сочетанием «новой» комедии с народным шутовским театром». Но сложная комедия Плавта впитала в себя и приемы комизма Аристофана, которому в целом ряде случаев Плавт несомненно подражал.

Недостаточно обрисована художественная сторона речей Циперона (стр. 336). *Carmen saeculare* Горация («Гимн столетия») неточно названо «Юбилейный гимн» (стр. 398). Императора Тиберия едва ли можно назвать «наследником престола» Августа (стр. 419). На стр. 453, как и раньше на стр. 37, имя греческого легендарного баснописца дается в форме Эзоп, но если в других случаях интервокальное S передается через «с» (Фесей, Волусий, Мусей и др.), то последовательнее было бы писать Эсоп. Наконец, гораздо больше внимания следовало бы уделить языку античных писателей.

Язык учебника, как мы указывали, отличается в общем ясностью и научностью. Отмечу лишь некоторые замеченные мною шероховатости. Стр. 402 (во времена Августа): «любовная склонность—становится маскировкой для оппозиции против официальной идеологии». Стр. 406: «Тибулл—мастер переходов, которые иногда получают видимость чисто ассоциативного грёзового скольжения...». Стр. 456: «Лукан ставил себе целью заместить Энеиду». Стр. 479: «Аполлоний узнает дочь в грубо оттолкнутой им было певиче...»

Вероятно, объем книги не позволил дать иллюстративный материал из области изобразительного искусства,—впрочем, он имеется в хрестоматиях. Но и стихотворные иллюстрации, вероятно, по той же причине, довольно скудны, между тем они значительно оживили бы изложение. Например, хорошо было бы привести стихотворную переписку Алкея и Сапфо, и процитировать на стр. 290 выпады Невия против римских государственных деятелей в защиту свободы; в книге приведен лишь как пример «Сатурнова стиха» только ответный стих Метеллов: «*Malum dabunt Metelli Naevio poëtae*» (стр. 284).

Что касается качества цитируемых стихотворных переводов, то совершенно неприемлем (стр. 396) перевод «Памятника» Горация с необычными ударениями:

*Гордость заслуженно
Утверди и мою голову дельфийским
Благосклонно венчай лавром, Мельпомэна.*

Приводится очень туманный исполненный «размером подлинника» перевод первой пифийской оды Пиндара, принадлежащий Вячеславу Иванову (стр. 92). Уж лучше было бы дать помещенный в хрестоматии по античной литературе (т. I, Учпедгиз) гораздо более понятный перевод М. Е. Грабарь-Пассек, исполненный ритмической прозой, которая до некоторой степени передает сложную ритмическую структуру стиха Пиндара.

В заключение хотелось бы сделать замечание по поводу термина «классическая филология», о котором автор делает на стр. 14 в примечании следующую оговорку: «Термин «классическая филология» употребляется иногда и в более широком смысле, означая «науку о древности», т. е. комплекс научных дисциплин, предметом которых является культура античного общества во всех ее проявлениях». Конечно, классическая филология изучает всю культуру античного общества, но, в отличие от истории, она изучает ее путем интерпретации словесного материала. В этом отношении

разбираемый учебник проф. И. М. Тронского, основанный на изучении источников, несомненно, обогатил прежде всего классическую филологию, а своими обобщениями внес существенный вклад и в историю всеобщей литературы.

Все сделанные замечания, все указанные недостатки и пожелания могут быть учтены автором при следующем издании этого учебника,—а этого переиздания он вполне заслуживает. Недочеты же лишь выдвигают необходимость дальнейшего углубленного изучения античных писателей с марксистско-ленинских позиций.

Но и в настоящем виде мы рекомендуем и будем рекомендовать этот учебник и нашим студентам, и аспирантам, и всякому интересующемуся историей литературы советскому читателю.

Проф. Н. Ф. Дератани

А. В. МИШУЛИН, Спартак. Научно-популярный очерк. Москва-Учпедгиз, 1947, 140 стр. + 2 карты.

В серии «Школьная историческая библиотека» вышла книга проф. А. В. Мишулина «Спартак». Это начинание Учпедгиза заслуживает всемерного поощрения, так как школьная молодежь нашей страны в течение последних лет была совершенно лишена подобной литературы, потребность и необходимость в которой, несомненно, очень велика.

Рецензируемая книга представляет очерк по истории революционного движения рабов в Риме под руководством Спартака. Однако содержание книги значительно шире того, на что мог рассчитывать читатель, исходя из ее названия. Фактически книга освещает всю историю революционного движения рабов в древнем Риме, а не только революцию под руководством Спартака.

Исторические события излагаются не догматически, а путем научного анализа источников, ход которого показан здесь же, на страницах самой работы. Этот метод осуществляется разными путями. Автор широко использовал скудные свидетельства древних авторов (Диодор, Дионисий Галикарнасский, Ливий, Аристотель, Катон, Цицерон, Сенека, Светоний, Тацит, Плутарх, Аппиан и многие другие) относительно положения рабов и их выступлений в римском рабовладельческом обществе. Все изложение построено на строго отобранном историческом материале.

Автор никогда не скрывает своего источника, легшего в основу принимаемой им версии. Напротив, он приводит цитаты (стр. 25, 32, 93 и др.), часто сопоставляя данные своего источника с другими, менее достоверными, и показывает, почему он принимает ту или другую версию. Такой прием автора можно проследить на примере анализа обстоятельств гибели Спартака (стр. 91—100). А. В. Мишулин сначала указывает, что по этому поводу имеются самые разноречивые версии, приводит их так, как они изложены у древних авторов (Орозия, Евтропия, Плутарха, Аппиана), затем сопоставляет их между собой и показывает более достоверную, после этого привлекает дополнительный документ археологического происхождения,—найденный в 1927 г. фрагмент стеной живописи в Помпеях, интерпретирует его и только после этого уже приходит к определению обстоятельств гибели вождя рабов.

Нам кажется, что принятый автором способ изложения имеет серьезное воспитательное значение и заслуживает большого внимания. Именно таким путем школьник подготавливается к правильному восприятию и критическому осмысливанию исторических фактов и процессов, не говоря уже о том, что ему показываются источники наших знаний в области древней истории. Читатель убеждается в правдивости излагаемых автором исторических событий, но вместе с тем видит, что в истории народов далеко не все ясно и предстоит еще положить много труда для более полного ее изучения.

Книга начинается с общей характеристики рабовладельческого Рима, где показано, что могущество Римской державы покоилось на захвате чужих земель, богатств и множества рабов, которые стали основой развития рабовладельческой